

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА 11

Роман Гарольда Ваннера

МОЯ ЖИЗНЬ 175

Эндрю Бивел

ЧТО СОХРАНИЛА ПАМЯТЬ 257

Мемуары Айды Партенцы

НА СРОК 481

Милдред Бивел

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

Роман

ГАРОЛЬД ВАННЕР

ОДИН

Поскольку Бенджамин Раск пользовался почти всеми мыслимыми привилегиями по праву рождения, одна из немногих данностей, о которых он мог сожалеть, состояла в невозможности героического восхождения: в его биографии не было места подвигу стойкости и упорства или нестигаемой воле, выковавшей золотую судьбу из окалины жизненных испытаний. Согласно записям на задней обложке семейной Библии Расков, его предки по отцовской линии переселились из Копенгагена в Глазго в 1662 году, где начали торговать табаком, ввозимым из Нового Света. На протяжении следующего века дело их процветало и расширялось, так что часть семьи перебралась в Америку, чтобы присматривать за поставщиками и контролировать каждую стадию производства. Три поколения спустя отец Бенджамина,

Соломон, выкупил доли всех родственников и сторонних вкладчиков. Под его единоличным руководством компания все так же процветала, и довольно скоро он сделался одним из самых выдающихся торговцев табаком на Восточном побережье. Ничто не мешает считать, что он делал закупки у лучших поставщиков на всем континенте, но ключом к успеху Соломона было не столько качество его товара, сколько умение использовать одно очевидное обстоятельство: в табакокурении, безусловно, есть элемент эпикурейства, однако для большинства мужчин оно также служило предлогом к общению. Учитывая это, Соломон Раск обеспечивал своих клиентов не только (и не столько) лучшими сигарами, сигарилью и трубочными смесями, но и (главным образом) превосходными условиями для бесед и заключения политических союзов. Он поднялся на вершину табачной промышленности и закрепился там благодаря компанейской натуре и дружбам, возникшим в курительной комнате, где он нередко потчевал *фигурадо** кого-нибудь из наиболее ценных клиентов, к которым относил Гровера Кливленда, Уильяма Захарию Ирвинга и Джона Пирпонта Моргана.

Достигнув успеха, Соломон построил дом на Западной 17-й улице, законченный как раз ко времени рождения Бенджамина. Однако сам он редко бывал

* *Figurados* — фигурные сигары, то есть не цилиндрической формы (исп.). — Здесь и далее примечания переводчика.

в нью-йоркской домашней резиденции. Работа звала его с одной плантации на другую, он постоянно следил за скруткой сигар или навещал деловых партнеров в Вирджинии, Северной Каролине и на Карибах. Он даже обзавелся маленькой *асьендой* на Кубе, где проводил большую часть каждой зимы. Слухи касательно его жизни на острове создали ему репутацию искателя приключений со вкусом к экзотике, что считалось ценным качеством в его работе.

Миссис Вильгельмина Раск ни разу не появилась в кубинской резиденции мужа. Но и в Нью-Йорке она не задерживалась подолгу: едва Соломон возвращался, как она уезжала на весь летний сезон гостить к одной из своих подруг на восточный берег Гудзона или в коттедж в Ньюпорте. Единственное, что ее, несомненно, сближало с Соломоном, так это страсть к сигарам, которые она курила непрестанно. Поскольку для дамы это считалось весьма необычным пристрастием, она позволяла его себе лишь в кругу подруг. Но с этим не возникало сложностей, ведь подруги окружали ее повсечасно. Вилли, как они называли ее между собой, входила в тесно сплоченную группу женщин, своего рода кочевое племя. Среди них были уроженки не только Нью-Йорка, но и Вашингтона, Филадельфии, Провиденса, Бостона и даже Чикаго. Они перемещались стайей, гостя друг у друга в домах и на загородных виллах, сообразно сезонам — так, дом на Западной 17-й улице становился обиталищем кочевниц на несколько меся-

цев, начиная с конца сентября, когда Соломон уезжал на свою асьенду. Но, в какой бы части страны эти дамы ни обретались, их клика неизменно держалась наосо-бицу, не подпуская к себе посторонних.

Маленький Бенджамин, проводивший бо́льшую часть времени у себя в комнате или в комнатах нянек, довольно смутно представлял себе общий план особняка из бурого песчаника, в котором рос. Когда мать с подругами бывала дома, его не подпускали к комнатам, где они курили, играли в карты и пили сотерн до поздней ночи; когда же матери не было дома, основные этажи превращались в тусклую череду закрытых ставнями окон, зачехленной мебели и запеленатых, точно огромные коконы, люстр. Все няни и гувернантки Бенджамина в один голос называли его образцовым ребенком, и все наставники соглашались с ними. Ни в ком так гармонично не сочетались хорошие манеры, разум и послушание, как в этом прелестном ребенке. Единственный его изъян, каковой после тщательного изучения смогли обнаружить иные из его первых менторов, состоял в нежелании общаться с другими детьми. Когда один наставник, давая отчет Соломону, приписал отсутствие друзей у Бенджамина страху перед людьми, отец отмахнулся, сказав, что мальчик просто становится самодостаточным человеком.

Одинокое детство не подготовило его к школе-интернату. В первом семестре он сделался объектом ежедневных унижений и насмешек. Однако со време-

нем одноклассники заметили, что он почти не реагирует на их старания, и оставили его в покое. Он держался наособицу и успевал с одинаковым равнодушием по всем предметам. По завершении учебного года учителя неизменно вручали ему всевозможные грамоты и знаки отличия и уверяли его, что он прославит Академию.

Когда он учился в выпускном классе, его отец скончался от сердечной недостаточности. На службе, прошедшей в Нью-Йорке, родственники и знакомые были поражены самообладанием Бенджамина, но правда заключалась в том, что траур просто-напросто позволил естественным свойствам его натуры проявиться в социально приемлемой форме. Кроме того, он озадачил адвокатов и банкиров отца неожиданной зрелостью, взявшись изучить завещание и все связанные с ним финансовые отчеты. Мистер Раск был человеком аккуратным и добросовестным, и сын не нашел в его документах никаких недочетов. Разделавшись с этим и зная, чего ожидать, когда достигнет совершеннолетия и вступит во владение своим наследством, он вернулся в Нью-Гемпшир, чтобы окончить школу.

Мать провела свое недолгое вдовство с подругами в Род-Айленде. Она уехала в мае, незадолго до выпуска Бенджамина, а к концу лета умерла от эмфиземы. Родственники и друзья семьи, присутствовавшие на этой, гораздо более скромной панихиде, не знали толком, как подступиться к молодому человеку, полностью осиро-

тевшему в течение нескольких месяцев. К счастью, нужно было решить множество практических вопросов, касавшихся доверительного управления, душеприказчиков и правовых тонкостей с переходом наследства.

Жизнь Бенджамина в колледже оказалась усиленным эхом его школьных лет. Он столкнулся с тем же самым отношением к себе и точно так же проявил свои таланты, разве только теперь у него выработалась холодная терпимость к первому и сдержанная неприязнь ко второму. Некоторые из наиболее характерных черт его рода, по-видимому, пресеклись на нем. Он был полной противоположностью как отцу, который в любом обществе являлся центром притяжения, заставлявшим всех вращаться вокруг себя, так и матери, которая едва ли за всю свою жизнь провела хотя бы день в одиночестве. Такая непохожесть на родителей стала особенно заметна, когда Бенджамин окончил колледж. Вернувшись из Новой Англии в Нью-Йорк, он потерпел неудачи во всех областях, где большинство его знакомых стяжали лавры: спорт ему не давался, клубные дебаты утомляли, выпивка не прельщала, азартные игры не увлекали, любовь не горячила кровь. Молодой человек, обязанный своим благосостоянием табаку, даже не курил. Однако те, кто упрекал его в неоправданном воздержании, не понимали, что он не прилагал к тому ни малейших усилий.

ТАБАЧНОЕ ДЕЛО СОВЕРШЕННО НЕ ПРИВЛЕКАЛО БЕНДЖАМИНА. Ему не нравился ни конечный продукт — это идиотское посасывание и причмокивание, дикарская зачарованность дымом и горько-сладкий запах подгнивших листьев, — ни порождаемый им дух сопричастности, который его отец так любил и умел использовать в своих целях. Ничто не отвращало его больше, чем туманные союзы курительной комнаты. При всем желании он был бы не способен изображать страстное участие в споре о превосходстве лонсдейла над диадемой, как не способен был и воспевать (с убежденностью, какую дает только знание из первых рук) хвалы робусто* из своего поместья в Вуэльта Абахо. Плантации, сушильные амбары и сигарные фабрики относились к далекому миру, к которому Бенджамин не испытывал ни малейшего интереса. Он первым был готов признать, что не годится на роль представителя фирмы, а потому поручил повседневные обязанности управляющему, верой и правдой служившему его отцу на протяжении двух десятилетий. Однако неодобрение управляющего не помешало Бенджамину через агентов, с которыми он ни разу не встречался, продать втридешева кубинскую асьенду отца со всей

* Lonsdale, Diadema, RobuSto — виды сигар (англ.).

обстановкой, даже не осмотрев ее. Его банкир вложил деньги в фондовый рынок вместе с остальными его сбережениями.

Потянулись застойные годы, в течение которых Бенджамин пытался без особого энтузиазма собирать различные коллекции (монет, фарфора, друзей), баловался ипохондрией и проявлял умеренный интерес к лошадям, но так и не сумел стать денди.

Все время его что-нибудь не устраивало.

Вопреки своим наклонностям, он затеял путешествие в Европу. Все, что его интересовало в Старом Свете, он и так уже знал из книг и не видел смысла знакомиться с этим ближе. К тому же ему не улыбалось провести несколько дней на корабле среди незнакомцев. Тем не менее он сказал себе, что, если решится на такой шаг, лучшего момента ждать не стоит: в деловых кругах Нью-Йорка установилась довольно мрачная атмосфера вследствие ряда финансовых кризисов и последовавшего за ними экономического спада, охватившего страну в течение двух лет. Поскольку этот спад не затронул его напрямую, Бенджамин лишь смутно представлял себе его причины — началось все, как он полагал, с лопнувшего железнодорожного пузыря, каким-то образом приведшего к падению цен на серебро, что повлекло за собой изъятие из банков золота, в результате чего разорилось множество банков и разразилась так называемая Паника 1893 года. В чем бы там ни было дело, его это мало заботило.

Он склонялся к мнению, что рынкам свойственны колебания, и был уверен, что сегодняшние потери обернутся завтрашними прибылями. Вместо того чтобы расстроить его европейскую экскурсию, финансовый кризис — наихудший после Долгой депрессии, разразившейся двумя десятилетиями ранее, — оказался одним из главных побуждений покинуть страну.

Бенджамин уже собирался назначить дату своего отбытия, когда его банкир сообщил ему, что, задействовав некие «связи», сумел подписаться на облигации, выпущенные для восстановления золотого национального резерва, истощение которого обусловило неплатежеспособность стольких банков. Весь выпуск был распродан за какие-нибудь полчаса, и Раск в течение недели получил солидную прибыль. Вот так непрошенная удача в виде благоприятных политических сдвигов и конъюнктурных колебаний привела к внезапному и, казалось бы, спонтанному росту солидного наследства Бенджамина, которое он вовсе не стремился увеличить. Но, как только случай сделал это за него, он обнаружил в себе голод, о котором не подозревал до тех пор, пока не возникла приманка, достаточно большая, чтобы пробудить его. Он решил, что Европа подождет. Активы Раска находились на консервативном попечении Дж. С. Уинслоу и Ко — фирмы, которая всегда вела дела его семьи. Основанная одним из друзей отца, она теперь находилась в руках С. Уинслоу-младшего, чья попытка подру-

житься с Бенджамином не увенчалась успехом. В результате отношения между двумя молодыми людьми оставались довольно прохладными. Тем не менее они работали в тесном сотрудничестве, пусть даже посредством посыльных или по телефону — и то и другое Бенджамин предпочитал излишним и нарочито сердечным совещаниям лицом к лицу.

Довольно скоро Бенджамин наловчился читать бегущую строку*, находить закономерности и, скрещивая их, обнаруживать скрытые причинно-следственные связи между, на первый взгляд, разнородными тенденциями. Уинслоу, поняв, что его клиент схватывает все на лету, стал намеренно запутывать картину происходящего и отклонять его прогнозы. Несмотря на это, Раск начал принимать собственные решения, обычно вопреки советнику. Он склонялся к краткосрочным инвестициям и велел Уинслоу проводить рискованные сделки с опционами, фьючерсами и прочими спекулятивными инструментами. Уинслоу всегда призывал к осторожности и возражал против таких безрассудных махинаций, грозивших Бенджамину потерей капитала из-за неоправданного риска. Но Уинслоу, похоже, заботился не столько об активах своего клиента, сколько о внешней стороне дела, стараясь соблюдать

* Бегущая строка — бумажная лента, печатавшаяся биржевым тикером, который принимал телеграфные сообщения в виде сокращенных названий компаний и цифр, обозначающих цены акций.

финансовые приличия — в конце концов, как он однажды заметил, сдержанно посмеиваясь собственному остроумию, он ведь бухгалтер, а не букмекер и отвечает за финансовый, а не игорный дом. Унаследовав от отца репутацию человека, склонного к разумным инвестициям, он упорно чтит это наследие. Однако, выразив несогласие, он всегда следовал указаниям Раска и получал свои комиссионные.

В течение года, успев устать от педантичности своего советника с его тяжеловесным темпом, Раск решил стать полноправным игроком на бирже и рассчитал Уинслоу. Разрыв всех связей с семьей, которая была так близка с его собственной в течение двух поколений, только усилил чувство настоящего свершения, какое Раск испытал впервые в жизни, взяв бразды правления в свои руки.

Два нижних этажа его дома превратились в импровизированную контору. Произошло это не по сознательному решению, а в результате возникавших одна за другой потребностей, которые приходилось удовлетворять, пока неожиданно не сложилось нечто вроде конторы со множеством сотрудников. Началось это с посыльного, которого Бенджамин отправлял носиться по всему городу с акционерными сертификатами, облигациями и прочими документами. Через несколько дней мальчишка его уведомил, что ему нужен помощник. Вместе со вторым посыльным Бенджамин нанял телефонистку и клерка, который вскоре поставил его в известность, что не справляется в одиночку. Управление подчиненными отвлекало Бенджамина от работы, поэтому он нанял заместителя. А когда ведение бухгалтерских книг стало отнимать слишком много времени, он нанял бухгалтера. К тому времени, как его заместитель обзавелся собственным, Раск успел потерять счет своим сотрудникам и уже не старался запоминать новые лица и имена.

Мебель, годами простоявшая зачехленной, теперь вовсю осваивалась секретаршами и мальчиками на побегушках. На сервировочный столик из орехового дерева встал телеграфный аппарат; большую часть обоев

с позолоченным растительным орнаментом покрывали котировки и курсы акций; соломенно-желтый бархат дивана пачкали стопки газет; на бюро из атласного дерева оставляла вмятины пишущая машинка; диваны и софы с вышитой вручную обивкой усеивали черные и красные чернильные пятна; извилистые края стола из красного дерева отмечали сигаретные подпалины; а мелькавшие туда-сюда туфли оставляли царапины на дубовых ножках в виде звериных лап и вытаптывали персидские ковровые дорожки. Только комнаты родителей Бенджамин держал в неприкосновенности. Сам же он спал на верхнем этаже, куда ни разу не заглядывал ребенком.

Найти покупателя на табачную фирму отца оказалось несложно. Бенджамин поощрял одного фабриканта из Вирджинии и торговую компанию из Соединенного Королевства, перебивавших цену друг друга. Он был рад, когда британец одержал верх, а стало быть, отцовская фирма вернулась туда, где и возникла, — Бенджамину хотелось быть как можно дальше от этой части своего прошлого. Но что его действительно привело в восторг, так это то, что благодаря доходу от продажи он мог теперь работать с бóльшим размахом, допускать новый уровень риска и финансировать долгосрочные сделки, от каких прежде вынужден был воздерживаться. Окружавшие его люди наблюдали с озадаченным видом, как его имущество уменьшалось прямо пропорционально росту его богатства. Он про-

дал все остававшееся фамильное имущество, включая и дом из песчаника на Западной 17-й улице со всей обстановкой. Его одежда и документы поместились в два сундука, которые он отослал в отель «Вагстафф», где снял номер люкс.

Его пленяла пластичность денег — как их можно заставить выгнуться колесом, к своему хвосту, и скормить им их собственное тело. Камерная, самодостаточная природа биржевой игры отвечала его характеру и была одновременно волнующим развлечением и самоцелью, безотносительно к доходам и мирским благам. Роскошь была вульгарным бременем. Его отрешенный дух жаждал отнюдь не новых впечатлений. Ни политика, ни власть не занимали его антиобщественного разума. И стратегические игры, такие как шахматы или бридж, не вызывали интереса. Если бы Бенджамина спросили, что же его привлекало в мире финансов, он вряд ли сумел бы найти объяснение. Его, безусловно, притягивала сложность денежных отношений, но, кроме того, капитал в его глазах представлял собой живое и притом стерильное существо. Оно двигалось, питалось, росло, размножалось, болело и могло умереть. Но было чистым. Со временем это стало ему очевидно. Чем масштабнее была операция, тем дальше он находился от ее конкретных деталей. Ему не было необходимости касаться ни единой банкноты или взаимодействовать с вещами и людьми, на которых влияла его деятельность. Все, что от него требовалось, — это думать, говорить и писать,

а чаще подписывать. И денежная сущность приходила в движение, рисуя прекрасные узоры на своем пути в царства все возрастающей абстракции, порой следуя собственным аппетитам, предвидеть которые Бенджамин никогда не умел, и это доставляло ему особое удовольствие — проявление свободной воли этой сущности. Он понимал ее и восхищался даже в тех случаях, когда она его разочаровывала.

Бенджамин едва знал центральный Манхэттен — ровно настолько, чтобы не любить каньоны его деловых зданий и грязных узких улиц, по которым семенили чопорные бизнесмены, занятые тем, что показывали, как же они заняты. Тем не менее, признавая удобство нахождения в Финансовом квартале, он переместил свою контору на Брод-стрит. Вскоре после этого, когда его интересы расширились, он получил место на Нью-Йоркской фондовой бирже. Его сотрудники быстро смекнули, что ему в равной степени претил как драматизм, так и вспышки радости. Разговоры, сведенные к самой сути, велись шепотом. Если пишущая машинка ненадолго замолкала, можно было с другого конца комнаты расслышать поскрипывание кожаного кресла или шелест шелкового рукава по бумаге. Однако воздух то и дело возмущала беззвучная рябь. Всем сотрудникам было ясно, что они являлись продолжением воли Раска и что в их обязанность входило удовлетворять и даже предвосхищать его потребности, но никогда не докучать ему своими. Если

они не обладали жизненно важной для него информацией, то ждали, пока он сам к ним обратится. Работа на Раска питала амбиции многих молодых маклеров, но, когда они расставались с ним, полагая, что усвоили все, что следовало, ни один из них не мог достичь успеха своего прежнего работодателя.

Его имя в финансовых кругах стали произносить с благоговейным изумлением (ему это было не по душе). Кое-кто из старых друзей отца обращался к нему с деловыми предложениями, которые он иногда принимал, и с советами, которые он всегда игнорировал. Он торговал золотом и зерном, валютой и виски, облигациями и окороками. Интересы его больше не ограничивались Соединенными Штатами. Англия, Европа, Южная Америка и Азия стали для него единой территорией. Из своей конторы он обзирал весь мир в поисках рискованных займов под высокие проценты и вел переговоры о государственных ценных бумагах с рядом стран, судьбы которых нерасторжимо переплелись благодаря его сделкам. Иногда ему удавалось единолично приобретать целые выпуски облигаций. За несколькими поражениями последовали выдающиеся победы. Все, кто был на его стороне, процветали.

В тех кругах, что все в большей мере и вопреки его воле становились «миром» Бенджамина, ничто не бросалось в глаза так, как анонимность. Даже если подобная сплетня не достигала его ушей, Раск понимал, что должен был считаться — со своей намеренно